

НА ПЕРЕЛОМЕ

1918 год для Юзовки был страшным. В городе бесконечные очереди за хлебом, паника и хаос. Благополучная жизнь у семьи Солдатенковых рухнула. Они уходили второпях в ночь из красивого большого дома, бросив свою фабрику с налаженным производством. Уходили, прихватив с собой самое необходимое. Павел - высокий мужчина лет сорока закинул за плечи тяжёлый вещь-мешок. Из-под большой лисьей шапки выбивались светло-русые волосы, некрасивое вспотевшее конопатое лицо гладко выбрито, взгляд голубых со стальным отблеском выпуклых глаз был сосредоточен, как у сильного человека во время опасности. Арина - женщина лет тридцати пяти с тяжёлым рюкзаком за спиной была под стать мужу, она одела в эту дорогу коричневый полушубок, новые меховые сапоги без каблука. Двое их детей - Костя четырнадцати лет и Елена двенадцати лет тоже с рюкзаками за спиной, оделись по приказу матери в тёплые одежды. Семья отправлялась в далекую дорогу, подальше от ужаса, что пришёл в их город. Они спешно свернули в тёмный переулок, последний раз обернувшись на тёмные окна большого, вдруг осиротевшего дома. Семья навсегда покидала своё жилище, страх гнал прочь.

- Нам только выйти б из города, только б выйти,- повторял Павел.

- Господи, спаси и сохрани,- шептала Арина.

Детей от страха бил озноб. Запах гари, слышны выстрелы, полохи пожаров освещали чёрное небо.

- Свят, Свят, Свят, - шептала, крестясь, Арина.

Семья бежала от огня Гражданской войны. У них осталось самое главное - их жизни. Железнодорожный вокзал встретил страшной картиной хаоса: крики, истерики, испуганные лица людей, попавших в жернова войны. В переполненном, нетопленном вагоне семья направилась в центр России, на родину Арины в сторону города Брянска, в деревню Кондрево, что в

двадцати километрах от города Карачева. Ехали несколько суток, подолгу стояли на вокзалах, вооруженные люди врываются в вагон.

В город Орёл приехали рано утром, уставшие, напуганные Павел, Арина и их дети шли по заснеженному перрону Орла. Народу много с поклажами, туда-сюда снуют грузчики. Прохаживаются военные в длиннополых шинелях и в кожаных тужурках с винтовками. Проверяют документы у подозрительных вновь прибывших.

- Большевики, - прошептал Павел.

- Тихо, - испуганно прошептала Арина.

Здесь не стреляли, это успокоивало

- Чем до Карачева добираться? - устало вздохнула Арина.

- А вон стоит на Брянск через Карачев, - кивнул совсем молодой солдат с румяным от мороза лицом. Он постукивал ногу об ногу, нетерпеливо поглядывая в сторону вокзала.

- А вот Вам спасибо, - обрадовалась Арина. - Господи! Слава Тебе Господи! - перекреститься она побоялась.

И тут все почувствовали невыносимое чувство голода. За всю дорогу они забыли о еде. Усталость и страх отбили всё другое. Павел с Ариной переглянулись и облегчённо вздохнули, дети почувствовали, что родители успокоились.

- Есть хочу, - сказала решительно Елена.

- И я хочу, - сказал Костя.

- Есть будем в Карачеве, - решительно заявила Арина, - Потерпим, немного осталось. - Вот, - Арина незаметно сунула всем по мятному леденцу.

- Ну вот, почти добрались, - Арина направилась к двери большого карачевского железнодорожного вокзала, - Воды надо в дорогу взять, доедем до Вшивки, а там ..., - Арина запнулась у двери в вокзал 1-го класса, но выходящий военный учтиво придержал перед ней дверь. Арина успокоилась, помещение было заполнено народом всех сословий.

Извозчик лихо щёлкал кнутом, лошадь шла рысью по булыжной мостовой.

- Город красивый, богатый, - кивнул Павел.

Прохожие неторопливо шли по широким тротуарам, работали магазины.

- Это Козельская улица, здесь вроде спокойно,- прошептала Арина.

- Кто его знает, - сказал задумчиво Павел, - Неизвестность.

Деревья стояли в сверкающем синевой инее, заснеженные особняки, вот и парк Дворянский, высокие сугробы вдоль расчищенных дорожек. Елена смотрела на незнакомый город, он был совсем не похож на её город. Здесь не было войны. Он был совсем другим - старый купеческий город. В морозном воздухе пахло свежим хлебом. Над заснеженными крышами домов и больших особняков струился дым неторопливо в лазурный небосвод. Солдаты в длинных шинелях с винтовками тоже куда-то шли. Большая Дворянская улица широкая. Аккуратные ухоженные деревья огорожены дощатой решёткой. Извозчики лихо щёлкали кнутами, звонкий цокот копыт по замёрзшей булыжной дороге.

-Никола, - прошептала Арина, слева большая церковь сверкнула золотом в морозной синеве. – Работает ли?

Павел пожал плечами. Вот пошли по обе стороны двух-, трёхэтажные купеческие особняки из красного кирпича.

- Богатый люд жил,- кивнул Павел.

- Город купеческий,- откликнулась Арина.

Вот и поворот на Вшивку. Извозчик натянул вожжи: «Приехали».

-Ну, пошли, - сказала Арина,- Может повезёт, кто подбросит. Страх уже отпустил семью, шли молча по накатанному санному пути. Началась метель, дорогу заметала позёмка, а вокруг заснеженные поля без конца и края. Дорога уходила далеко вперёд, к горизонту. Дети устали, лица разрумянились, они вопросительно поглядывали на родителей. Да и Арина с Павлом тоже устали. Мимо проносились подводы, люди

возвращались с базара. Одна из подвод всё же остановилась. Мужик в полушубке, в шапке завязанной под бородой махнул овчинной рукавицей:

- Садитесь, подвезём до Чернево, вот с сыном ездили за обувкой.

Путники поспешили на приглашение, удобно расположившись на душистом сене.

- Чьи будите? Куда путь держите? - обернулся к попутчикам мужик.

- В Кондрево, к сестре,- нехотя отозвалась Арина.

- Далеко, путь не близкий, - сказал мужик и замолчал.

- Да-да,- вздохнул Павел и отвернувшись задумался: «Дети устали».

«К чему беспокоить, люди есть люди»,- подумал Василий и посмотрел на сына - тоже Василия, - «Вырос сынок, уже двенадцать, вон как на девочку посматривает. А девочка хорошенькая, сын имеет хороший вкус».

Лошадь резво пошла, рысью неслась по широкому большаку, деревня большая. Василий натянул вожжи:

- Нам направо, а вам ещё километров тринадцать. Дорога не близкая.

Серафима задёрнула занавески на окошках, ранние сумерки озарял пожар, горели амбары на краю деревни, с логов доносились ружейные выстрелы. Она размашисто перекрестилась на Красный угол, по строгим ликам на иконах вихлялись блики от лампадки.

- Господи, спаси и сохрани,- неистово повторяла женщина лет сорока. Трое малолетних девочек сидели на лавке в Красном углу, страх матери передался им. Огненные тени побежали по стенам. В дверь с улицы громко постучали. Серафиму сковал страх, дети заплакали громко, в голос.

- Сима, это я, сестра твоя Арина, - услышала перепуганная женщина. Серафима отбросила засов, из тёмного проёма двери тяжело упала на грудь заснеженная женщина.

- Наконец-то, - выдохнула Арина, - Встречай, Сима, я вернулась совсем с семьёй. Еле добрались, устали,- Она тяжело опустилась на лавку.

Сёстры давно не виделись, родители отправили Арину учиться, там она быстро вышла замуж. Лицом Арина была некрасива, высокая, но внутренний «стержень» её заметил Павел. Властная, крепкая, уверенно пошла за него, он был из состоятельной семьи, такой же настырный, как она. Он привез её в Юзовку в большой каменный дом. Всё им было по плечу, вскоре родители Павла доверили управлять фабрикой молодым. Коммерческая хватка Арины проявилась сразу: рабочие уважали её за порядок, надёжность.

Керосиновая лампа тускло освещала неожиданных гостей. Девочка устало присела на край лавки и прислонилась к стенке. Мальчик стоял прислонившись к притолке. Павел снял лисью шапку и стоял опустив голову. Серафима была сражена наповал неожиданным приходом гостей. Гости сбросили свои поклажи в угол.

- Приюти нас сегодня. Нам идти не куда, - сказала Арина.- Жилье нам надо искать, - добавила она, развязывая вещь-мешок.

- Твой? У тебя трое? - кивнула Арина в сторону детей? А где сам?

- Ушёл вместе с сыном, а ему шестнадцать. В Красную Армию вступили, - Сима громко заголосила. - Что будет? Что будет?

Арина молча высыпала бублики с маком на стол без скатерти, положила большой пакет фиников и коляску сухой колбасы.

- Поставь самовар, - Арина достала пачку чая и пакет сахара.

- А это вам, - Арина обернулась к девочкам, положив на стол горсть длинных леденцов в прозрачных фантиках.

Елену разбудил шёпот и смех, она открыла глаза - рядом три незнакомые девочки, увидев, что она проснулась, радостно взвизгнули и «слетели» с тёплой печи. Окна замуровал мороз узором. Он красиво искрился на солнце.

- Костя,- Елена позвала брата.

- Они пошли насчёт дома, - отозвался он.
Костя смотрел в окно, лицо его было строгим.

- Что дальше? Как жить будем? - тихо растерянно спросил он, обернувшись к сестре. - Кругом глушь, дикие места.

Елена пожала плечами. Она взглянула строго на смеющихся девочек, хотелось одернуть их: «Голодранки, дурочки», но промолчала.

«Где у них туалет»- подумала Елена. Старшая девочка перехватила взгляд.

- Уборная на улице. Я провожу, - Сказал Костя.

Морозное утро заснеженное, деревья в инее. Над хатами из труб поднимался дым, и здесь пахло свежеиспечённым хлебом. Снег скрипел под ногами. На улице пустынно. Елена видела, как в хатах напротив вздрогнули занавески. Костя стоял переминался у порога, Елена молча прошла в хату.

-Умываться где? - спросила она, обращаясь сразу ко всем. Старшая девочка поставила таз на табуретку и зачерпнула большой кружкой воду в ведре. Младшая подала рушник. Елена расчёсывала свои волосы, они у неё были по пояс густые, золотистые.

- Рыжая,- прошептала младшая и хихикнула. Елена даже не обернулась. В сенях слышались голоса, дверь распахнулась и вместе клубами мороза появились родители. Елена сразу не узнала мать, она была в поношенной плюшке и клетчатом полушалке,

«Значит так надо»,- подумала девочка.

С ними зашел в хату незнакомый мужчина, красивое благородное лицо было сосредоточенно, аккуратно пострижены седые волосы, одет он был в добротный полушубок.

- Ну, здравствуйте, мои дорогие племянники! Как Вы тут? Это Елена? Это Константин?

- Спасибо, всё хорошо, - чуть с поклоном ответил Костя.

- Ваш дядя - Василий Иванович, прошу любить и жаловать,- пояснила Арина детям. - Мой брат.

- Ну что? Пора завтракать? - сказала Арина,- Накрывай,- она обернулась к сестре.

- Выспались? - обратился Павел к детям. - Сейчас придёт подвода, едем смотреть наше новое жильё. Хата не плохая, тёплая и сторговался недорого. Люди мечутся, а что метаться?

Елена молчала, спазмы перехватывали горло, она скучала по подругам, по тому их дому, по родному городу, где родители были совсем другими. Она видела, что и брат переживает. Родители же уверенно и точно создавали теперь жизнь семьи здесь вдалеке от городов.

Арина оглядела новое жильё: сени, чулан, в хате столовая с кухней, большая русская печь, за перегородкой зала со спальней. Семья молча присела на большую скамью в Красном углу. В сенях стукнула входная дверь, в клубах холода появился Василий Иванович.

- На первое время,- он сбросил с плеча тяжёлый мешок,- Картошка, морковка, капуста, а это сало,- Он положил на стол большую полоску.-На днях опоросится свинья, дам поросят, иначе нельзя, кормом поделюсь. Нужна корова, - он взглянул на Арину, - Без неё здесь тоже нельзя. Дам пару подушек и одеял. Да, замашки свои бывшие надо забыть, опасно, ещё неизвестно, как повернет.

- Перезимуем, а там посмотрим, ответил Павел.

В расписанные морозом окна заглядывало зимнее солнце. Арина стояла у окна, царапала ногтем промерзшее стекло. Три старые берёзы под окном в инее. Он сверкает голубыми огоньками, бескрайние просторы, уходящие вдаль к горизонту тоже искрились и слепили глаза.

- Россия огромная, бескрайняя... Что натворили? Всё сломали...- Арина тихо плакала.

В печке трещали дрова, тепло уже пошло в хату. В чугушке варилась картошка, в сковороде уже на загнётке яичница с салом. Дети проснулись, им не хотелось слезать на холодные полы.

- Шаром покати, голову прислонить некуда, как же нам быть?! - Арина спрашивала то ли себя, то ли ещё кого.

Увидев, что дети готовы заплакать, она успокоила их и себя:

- Главное, что все живы. А там, что Бог даст.

В сенях слышались шаги.

- Отец, - Арина пошла на встречу.

Дверь распахнулась и в хату с волной мороза вошла большая, пушистая ёлка. Отец улыбался:

- Будем встречать Новый Год. Завтра уже 1919 год, вот его и встретим.

ЁЛКА

Зоя - девочка лет пяти сидела за обеденным столом у окна. Она поглядывала в маленькую проталинку на расписанном морозом узорами стекле. Проталинка увеличивалась и уже можно было видеть заснеженный двор: вон Тарзан - большая охотничья собака вылезла из будки и с удовольствием ест из миски.

- Отпустил, вчера морозяка был, - кивнула мама, перехватив дочкин взгляд.

Семья завтракала: мама Капа и трое маленьких дочек с удовольствием ели вкусную наваристую похлебку из русской печки, сало с прорезью еще не разморозилось, но вприкуску хорошо. Капуста квашеная у Капы получалась всегда вкусной и хрустящей, как и огурцы. Бочки в погребе к весне были почти пустые. Капа клала в тарелку капусту, посыпала сахаром и добавляла ложку постного ароматного масла. Она любила и умела вкусно готовить.

Николай - отец ушёл в МТС еще в сумерках, там всю зиму готовят технику к посевной. По радио звучала новогодняя сказка: Дед Мороз и Снегурочка благополучно победили Бабу Ягу и всю лесную нечисть. А за окном уже по сугробам носилась соседская детвора.

- Одевайтесь, - разрешила мама.

Зоя быстро надела валенку с галошами, тёплый платок, застегнула все пуговицы на пальто, схватила горячие рукавички из печурки.

Снег искрился на солнце и ещё скрипел под ногами. Дети собрались в кучку и о чём-то шептались:

- На елку пойдёшь в МТС? - спросил Зою соседский мальчик Толик, он уже первоклассник. Зоя растерялась, она знала, что это далеко, но пошла следом за детьми. Шли по заснеженному полю, напрямик. Девочка уже устала, галоши скользили, платок сползал, волосы лезли в лицо.

- Три километра, - пояснил покрасневшийся Толик.

- Вон уже видна водонапорная башня,- радостно закричал его младший брат Петька, ровесник Зои.

- Немного осталось, - вздохнула Зоина подружка тоже Зоя.

В клубе было битком народу: нарядные дети с родителями. Больше всего поразила огромная ёлка до потолка, сверкавшая игрушками. Около неё и Дед Мороз, и Снегурочка в красивой шубке, рядом и лисичка, и зайчики прыгают, и волк крадётся. Взрослые посматривали на пришедших детей: «Чьи? Уморились? Издалека? Черневские, родители схватятся», - качали они головами. Зоя слышала это и ей было страшно - мама схватится. Но скоро она забыла про это, здесь было весело, немного жарко в пальто, в платке и валенках. Дети водили хороводы вокруг ёлки-красавицы, пели песни: «В лесу родилась елочка...». Одна девочка с большими бантами в косах, очень красивая и нарядная подошла к Снегурочке:

- Стишок расскажешь? - спросила её Снегурочка.

-Нет,- сказала девочка, - Я песенку спою.

И она запела: «Самое синее море - синее море моё...».

Ей все хлопали, а Дед Мороз протянул девочке конфету. Но девочка покачала головой:

- Нет, мне нельзя, у меня зубик болит.

И ей подарили игрушку.

«Странная девочка», - удивилась Зоя. Но тут Дед Мороз полез в свой большой мешок и Снегурочка стала вручать детям подарки в слюдовых прозрачных пакетиках, там были разноцветные горошины-конфеты. Дети радовались подаркам. Зоя уже не надеялась, ведь она и стишок не знает, и платье не нарядное. Но вдруг увидела, что Снегурочка улыбнулась ей и протянула пакетик с конфетами.

«Как хорошо, что мне тоже дали подарок», - думала девочка, спеша домой через бескрайнее заснеженное поле. Зое знакомо это поле, летом оно другое: много красивых цветов васильков, мама этим летом жала здесь серпом рожь и вязала снопы.

- Немного осталось, - кивнул Толик, доставая разноцветные горошинки.

Дети смеялись, они радовались, что побывали на ёлке. И конфеты вкусные, и такой красивый день: снег искрился на солнце, дым струился над крышами. Женщина в дали сняла с плеча коромысло с полными ведрами и смотрела на идущих маленьких детей по заснеженному полю.

- Мама, я на ёлку ходила, - Зоя бежала к ней, поднимая в руке кулёк с конфетами. Потом она шла следом за мамой и торопливо рассказывала о празднике. Мама оборачивалась и поглядывала на уставшую от дальней дороги дочку, покрасневшее ее лицо, сбившийся платок. А девочка все рассказывала и рассказывала...

Ландыши, ландыши...

«...Ландыши, ландыши светлого мая привет...» Гелена Великанова радостно ворвалась в дом с пластинки из приёмника «Харьков». Женька - девочка двенадцати лет открыла глаза. Музыка звучала громко, два старших брата гремели тарелками на кухне. Им уже по четырнадцать лет.

«Сейчас позовут к столу», - подумала Женя, - «Наверное, опять макароны».

Родители рано уходили на завод. Они ударники пятилеток.

Она захватила руками за никелированную спинку кровати и рывком сделала переворот. Женька быстро сделала несколько упражнений с нагрузкой на пресс, талию, растяжку.

- К столу, - донеслось с кухни.

Братья с удовольствием ели макароны в прикуску с любительской колбасой. Обычно мама на сковороду с растопленным куском сливочного масла выкладывала промытые сваренные макароны и разбив пару яиц, перемешивала, накрывала сковороду крышкой, через пять минут вкусная еда готова.

- Некогда, на работу пора.

Оглядев в трюмо своё новое крепдешиновое платье, поправив локоны паровой завивки, спешно уходила. Хлопала на улице калитка, торопливые лёгкие шаги под окном. Опаздывать на работу нельзя. Мама любила свой завод, каждый раз молча клала в верхний ящик комода очередную награду «Ударник пятилетки» свою и отца.

Братья хитро переглядывались, торопливо поедая макароны.

- Посуду помоешь, - распорядились они сестре, - к Валентине Павловне на летние каникулы приехали племянники – москвичи, мальчик и девочка.

Братья ушли, прихватив с собой футбольный мяч. Девочка занялась уборкой, она уже смирилась, что каждый день одно и тоже: вся уборка была на ней.

Женя выключила приёмник, с улицы доносились голоса подружек.

«Уже в выбивало играют. Что они там так раскричались?» Женя остановилась у трюмо, расплела косу и завязала хвост. Критически оглядела свой выцветший сарафан:

- Коротковат, за зиму выросла или сел? - Женю эти мелочи не интересовали.

Мама сама следила за одеждой дочери и в выходной протягивала сверток: «Примерь».

-Как хорошо, - подумала Женька, - Каникулы, посуда чистая, полы чистые, пора на улицу, какая там девочка-москвичка?

Женька вышла во двор, на небе ни облачка. Жарко. На небольшой клумбе расцвели фиолетовые иберисы, молодая яблоня отцвела, вся в маленьких яблочках.

- А что там с Лариской сегодня? Что она там надрывается? - Женя вышла за калитку, она увидела подругу, которая набивала мячом: «Я знаю одну девочку...»

«Что у неё с голосом?». Рядом стояли Алла с Аней и мальчики, все были в сборе. И тут Женька увидела москвичей.

-Так вот в чём дело, вот что взволновало Ларису и остальных.

Женя поздоровалась с Валентиной Павловной, рядом с ней стояли её племянники, девочка- москвичка в салатовом сарафане в белый горошек, длинные белокурые волосы из-под соломенной шляпки падали на загорелые плечи. Маленькую белую сумочку девочка повесила себе на плечо. Белые босоножки в ремешках, а главное ногти покрашены розовым лаком - были удивительны для Жени. Мальчик лет тринадцати, аккуратно пострижены светлые волосы, голубые глаза с любопытством смотрели на незнакомых детей, голубые шорты и футболка ему очень шли к загорелому телу, он только вернулся с сестрой с Мариуполя, на Азовское море они ездили каждое лето.

«Вооброжалы», - Женя нахмурилась и ей вдруг стало неудобно за свой сарафан, за подругу.

Валентину Павловну любили все дети с улицы, у неё не было своих детей и она любила всю детвору, привозила обновки из Москвы, колготки красивые, платья, костюмчики. Она этим радовала соседей и имела доход. Женька смотрела на суетившихся друзей, на любопытный взгляд мальчика, на высокомерное равнодушие девочки. Братья тут же играли с футбольным

мячом в пас. Они поглядывали на Ксюшу, громко смеялись, делали «финты».

- Во, что вытворяют, - удивилась Женя. Ей стало стыдно за их поведение.

- Женечка, - позвала её Валентина Павловна, - Познакомься, это Ксюша и Андрей, пусть они гуляют с вами. Женя видела, как Ксюша окинула её взглядом, открыла маленькую сумочку, достала маленькое зеркальце в розовой оправе и решительно поправила чёлку.

Андрей набивал левой и правой руками баскетбольный мяч, который упруго летел к руке. Женя чувствовала, как спазмы сдавили горло, её выбили из себя и высокомерие Ксюши, и Андрей не похожий на друзей с улицы, и неестественное поведение братьев. Она взглянула на свои босые загорелые ноги, на выцветший голубой сарафан, машинально поправила тяжёлые волосы. Андрей наблюдал за игрой девчонок и набивал мяч. Ксюша равнодушно рассматривала всё, что её окружало. Андрей увидел, что рядом на старой берёзе прикреплено баскетбольное кольцо, и решительно направился к нему, набивал мяч и бросал на кольцо, мяч отлетал. Девтора наблюдала за бросками и ухмылялась. Валентина Павловна видела, что дружба у детей не получается. Андрей хмурился, наконец бросил в кольцо, Ксения захлопала в ладоши. Все молча с любопытством наблюдали. Женя подошла к Андрею:

- Кольцо высоко повесили?

Андрей кивнул и опять мяч отлетел от кольца.

- Привыкнешь, - добавила Женя, - Можно я попробую? Я играю за школу.

Андрей протянул мяч. Девочка не понимала, что её разозлило. Мяч упруго летел от земли, Женя двумя руками остановила его у груди и «крученный» пошёл на кольцо. Она увидела, как высокомерие у Ксюши сменилось на удивление.

- Тренируйтесь, - Женя отбросила от груди «крученный» мяч Ксюше, но мяч вырвался из её рук и ускакал к ногам Валентины Павловны. Андрей строго посмотрел на сестру: «Что ты тут из себя ставишь?» Он смотрел вслед уходящей девочки в выцветшем сарафане и загоревшими босыми ногами. Женька обернулась и наткнулась на синий взгляд:

- Что смотришь? - она не узнала свой голос, теперь злилась на себя. - Надоели со своим мячиком.

Она поспешила во двор, вытерла подолом наворачнувшиеся слёзы. Затем обула новые сандалики, взяла бидон и пошла по улице не оглядываясь. Жарко, запах цветущей акации, на небе ни облачка. Она спешила на рынок за квасом. Родители прибегут на обед, холодная окрошка им понравится. - И чего я не надела новое платье, что бабушка сшила, жёлтое в одуванчиках, с пуговичками сзади, - удивилась Женя.

Она уже знала, что не наденет больше свой выцветший сарафан.

ДУХОВ ДЕНЬ

Духов День - христианский праздник отмечается на пятьдесят первый день после Пасхи. Накануне Святой Дух спускается на землю и разливается по полям, появляется в домах. По поверьям перед восходом солнца Мать Сыра-Земля открывает свои тайны.

Капа вышла на порог: «Какое сегодня хорошее утро!»

На синей лазури только несколько лёгких маленьких облаков у самого горизонта, солнце уже убрало росу с травы, с цветов и листьев, чистый воздух наполнен теплыми ароматами лета. Духов День. Праздник. Подруги сегодня придут в клуб в новых платьях.

«Интересно, посмотрим у кого самое красивое?»

Вышла на порог младшая сестра Шура, волосы она уже причесала и уложила косы красиво в «корону». Она удивленно смотрела и восторженно сказала: «Надо же, как красиво!»

Капа увидела, что хата украшена зелёными ветками берёзы. Их много, сверху до низу между брёвен в пеньку всунуты небольшие веточки.

- Красиво. Мама нарядила, когда успела? - удивлялись девочки. Сегодня выходной, в этот день не положено работать. К этому празднику готовятся, шьют новые платья, выбирают ткани, чтобы цветы на ней самые красивые. Елена в этом году расщедрилась, для старшей дочери выбрала отрез из шёлка, по белому полю нежные голубые цветочки. Шёлк натуральный китайский, а младшей Шурочке ситец зелёный в ромашках. Елена специально ездила в Карачев в универмаг.

«У кого же платье будет нарядней?» - Капа поглядывала на новое платье, повешенное на спинку кровати.

Елена стояла, задумавшись у раскрытого сундука, достала чёрную саржевую юбку, повертела, приложила к себе, достала штапельную темно-синюю в мелких розочках, приложила опять к себе.

-Красиво,- закивали дочки. Елена согласилась с дочками и достала к юбке белую батистовую блузку.

«Что там подруга Панюшка справила своим девкам?» - Елена не любила ни в чем уступать. Она знала, что сегодня в клубе все будут в лучших нарядах, к этому празднику все готовились.

Михаил - старший любимый сын Елены покрутил ручку патефона, пластинка закрутилась: «Ой, красивы над Волгой закаты, ты меня провожала в солдаты...». Красивая песня громко заполнила хату. Михаил распахнул окошко и запах скошенной травы и берёзы ворвался с тёплым ветерком. Женщины крутились у зеркала, накручивали волосы.

- Давайте обедать, - Михаил придвинул табуретки к столу. - Отец пришёл.

Праздник праздником, а на Конном Дворе у отца семьи много дел: сегодня после танцев надо в ночное. Как стемнеет он с товарищем поведут табун в луга.

- Ну , давайте обедать, - Елена отбросила наряды на спинку кровати и повязав фартук направилась к печи. Запахло вкусно тушёной картошкой. Капа принесла с погреба тарелку с холодцом. Елена поставила на стол большую сковороду с яичницей. Зашёл Василий, повесил свой кнут на гвоздь у двери. Шура зачерпнула большую кружку воды и ждала, когда отец подставит руки. Елена принесла из чулана бутылку вина и поставила на середину стола. Шура уже сливала воду на руки бабушке Марфе, она ходила на луг, там подоила Зорьку. Подойник с молоком поставила на лавку .К столу уже вышла в новой белой блузке, на груди вышиты васильки, повязала новый белый в цветочек платок.

- Эх,хорошо! - сказал Василий, усаживаясь на своё главное место. Рядом его мать Марфа, она улыбалась любимой невестке и подвинула табурет ей. Тёплый аромат лета через распахнутое окно заполнил дом. Огонёк лампадки освещал лики в Красном углу.